

*Твори, художник, но всегда
Пусть на прицеле будет вечность...*

Олег Рябов, «К поэту»

Что такое поэзия? Ей давали уж столько определений... столько имён промелькнуло и воссияло на все века и тысячелетия, столько разъяснений, как да зачем, поисков чуда, попыток угадать, догадаться... Почему человек пишет стихи? Почему созвучия – в рифму? А если без рифмы, в свободном полёте, тогда почему так ясно, так ярко просвечивает сквозь прозрачную толщу верлибра изначальная гармония Космоса?

Ритмы... рифмы... речь... рокот реки...

Поэзия необъяснима, трансцендентна. Реалистична ли она, если в ней поэт «издалека заводит речь» (М. И. Цветаева) о жизненном и житейском, о привычном и ожидаемом? Не все привычное любимо. Не все ожидаемое поэтично. Поэзия часто – страшный, неистовый, непредсказуемый, даже ужасающий взрыв: образа, мысли, эмоций. Это накал. Огонь. Это страсть – редкая птица в искусстве. Но мы задумались о реализме. О настоящести – и вспышки-мгновения, и протяжённого, длящегося времени, и пейзажа-ландшафта рядом с пейзажем души. О подлинности, аутентичности поэтического наполнения. Чему принадлежит стиль художника? Это механизм, головоломка? Или это знакомый нам с детства вид на широкую реку, звон и грохот трамваев, ворчанье грома среди громадных туч, блеск серебряной рыбы, как блеск молнии? Блеск возлюбленных глаз?..

Олег Рябов. Кто он в русском искусстве? Он ещё и прозу пишет, и его рассказы, повести и романы – принадлежность современной русской

литературы, неотъемлемая, весомая. Но прежде всего Олег Рябов – поэт; он и в прозе поэт, что для прозы ценно и превосходно.

Истоки поэтической реки Олега Рябова – не только в легендарном времени, откуда он родом, не только в пространстве той страны, где читали все запоем, хоть хороших книг и было не достать; он любит классическую русскую и мировую поэзию, это видно и слышно – читая его стихи, окунаешься в многослойность, густую многозвёздность культурных ассоциаций:

Листаем мы воспоминанья:
Вокзалы, лица, города,
Измятых перед расставаньем,
Пустых страничек череда.

Разлуки, встречи, анекдоты,
Года, свистящие в ушах.
И вдруг наткнешься – кто ты? Кто ты?
И переполнится душа.

Нахлынет с болью: в старом мире
Оставил я давным-давно
Тебя в слезах в пустой квартире,
Но возвратиться – не дано.

Сладка нам боль воспоминаний,
Когда за нею нет утрат.
Играет память в игры с нами.
И вот – как будто бы вчера...

Нет, не забыто твоё имя,
И шёпот, ну, и звонкий смех.

Что память? Это – только иней.
И снова холодно. И – снег!

Да, скажете вы, да, конечно же, прекрасная старая школа русского реалистического письма! Любитель, собиратель и знаток русской старины, русской живописи, Олег Рябов не удерживается и в искусстве слова от живописных штрихов и мазков. Это сразу невероятно расширяет вербальные границы. Эмоциональное переживание выходит из словесных рамок, свободно, вольно перерастает их и становится живописным ветром, и тут изобразительность летит на подмогу чистой лирике; образ играет видимыми и даже осязаемыми гранями, сквозь натюрморт и портрет просматривается история Родины, мы чуем тело родной земли, мы понимаем: без неё – нельзя. Да поэт без неё и не проживет.

Да здравствует провинция!
Прости меня, столица,
Погрязшая в амбициях,
Разыгранная в лицах,
Проплаченная, продана
Лимитчикам – талантам,
И никому не рódная –
Народная, и ладно!

Да здравствует провинция,
Где день прожитый – в радость,
Что никогда столицею
Не будет – и не надо,
Где принцы карамельные
Девчонкам ночью снятся.
Дожди идут неделями,
А в город – с автостанции.

Где незнакомцу – «здравствуйте!»,
Где каждый день – от Бога,
А дни, хотя и разные,
Но к храму есть дорога.
И место есть для творчества
И для защиты принципов.
Без всенародных почестей
Живёт моя провинция.

Изысканный ли автор Рябов? Владеет ли он арсеналом поэтических средств? О да, владеет! Но, как любой владелец бесценных сокровищ, не выставляет их напоказ, не демонстрирует всему свету постоянно, громоподобно и пафосно: за кадром у поэта гораздо больше богатств, нежели в кадре, и это правильно; искусство – это не точка, а объём, читатель не должен видеть в стихотворении образного «потолка», он, в идеале, должен ощущать над собою бездонный купол ночного ясного неба. Осеннего, цвета воронова крыла, усеянного бесчисленными звёздами. Они и есть достояние поэта.

Последнее яблоко в саду... последняя ночная, перед туманным утром, звезда... последняя любовь. Тютчевскую музыку, мелодии Пастернака несомненно вспоминаешь, читая лирику Рябова. Но он нигде и никому не подражает. Он живет внутри своей родной симфонии. Он пишет эти летящие осенние ноты всею своей жизнью.

Традицией он благоговейно жив, но он же традицию и безжалостно ломает – нежданной «неверной» рифмой, сюрпризным задыханием посреди строки, странным поворотом образа, необъяснимо, ниоткуда возникшей интонацией, но более всего – невероятным чувством, то перламутрово-изменчивым, нежнее выдоха, то железно-незыблемым, а чувство это живо в поэтике Рябова благодаря его почти воинскому бесстрашию.

Это бесстрашие художника, о котором говорил Бетховен: «Художники пламенны, они не плачут». Все слёзы поэта – внутри его смелой музыки.

Холодно. Очень холодно,
Будто меня ты голого
Бросила ночью в сугроб,
Бросила и оставила.
Нет – ты, наверно, не стала бы...
Но наломала дров.

Ты – босиком по улице.
Дождик, погода хмурится,
Холодно, колетя, дрожь.
Всё! Всё тебе отмерено –

Так и должно быть, наверное.
Так ли? И не поймёшь!

И не услышу я голоса,
И не потрогаю волосы,
Вот – и уже ничего!
Мы с тобой, может быть, встретимся –
Ждешь на небесной лестнице
Явления моего.

...Мы все, дорогие мои, просто – люди. Простые смертные люди. Не цари, не полководцы, не ангелы. Но, возможно, затесались среди нас, тихо бродят, глядят на нас во все глаза и гордые дети голубых кровей, и молчаливые святые, и адские преступники. Кто же будет выхваляться святостью, признаваться в преступлении? Всякий хочет быть лучше, чем он есть на самом деле. Лучше – перед кем: перед людьми, перед Богом, перед историей? Или перед самим собой?

Поэт видит всё и всех. Поэт – тайный рентген культуры, он волей-неволей просветит вас насквозь, и вы отразитесь в зеркалах войны и мира, в спокойной водной глади молитвы, в кромешном ночном ужасе единственного в жизни покаяния, в шлемах, кольчугах, касках и бронжилетах извечной битвы не на жизнь, а на смерть.

Воображение, соображение, изображение, говаривал великий педагог, рисовальщик Павел Чистяков в Академии художеств... У Олега Рябова все три творческих начала сгущены, спрессованы в одном, отдельно взятом поэтическом тексте. Он слишком поэт, чтобы отказаться от безумного, задыхального полета воображения, принеся его в жертву столь модной, бездушно-бессердечной интернет-поэтике, часто композиционно копирующей изобретательную компьютерную игру; и он слишком художник, чтобы пренебречь любимым реалистическим изображением в угоду блестящей, безупречной логике. Он слишком живой! Да, он любит Пастернака, и да, он помнит эти слова: «...но быть живым, живым и только. / Живым и только до конца». Чудо меняющейся каждый миг жизни – это и есть поэзия Рябова! Если хотите освободиться, улыбаться, плакать, не таясь, смеяться, болеть, сокрушаться, жить на полную катушку – вам сюда. Точно сюда.

Не крылья – укрепились костыли,
Не подвспорхнуть мне больше от земли.

Тащусь – меня устраивает мой лес,
Я по нему хромаю до небес.

Еловой шишки нераскрывшийся бутон
Как чешуёю рыбьей оплетён.

Вот – муравья-друида Эверест,
Его предназначение и крест.

Неспешна комариная возня:
Они как дома у себя в сенях.

А солнечной лучиною луча
Лес освещён – горящая свеча.

Соломенная суть, соловый пух,
И силы нет, чтобы с него свернуть.

С кем разделить открытия свои?
Есть днём синицы, ночью – соловьи.

Простые люди. Простые вещи. Поэт любит их живописать и о них писать. Процесс письма, запечатления тут переходит в загадочный процесс параллельной жизни. Автор выходит вон из своего тела, из всего, что ему врождено и им приобретено, из собственного бытия (простите за невольную эзотерику...), и, не отпуская ритмику собственной крови, не теряя из виду собственную судьбу, наблюдая за ней словно бы с небес, начинает проживать другую, иную жизнь. Вот опять вспомнила Бетховена: «О, как же это прекрасно – тысячекратно прожить свою жизнь!» Это феномен Рябова-поэта, и, читая его стихи, вы не раз узнаете это явление-преображение, перевоплощение – жить другою жизнью! – прямо в лицо.

И ведь простые слова поэт находит, о самом сложном повествуя! А вернее сказать, он их и не ищет. Хлеб, вода, огонь, дорога. Всё архетипическое есть поэзия. Слова к поэту приходят сами, он их не прикармливает, не призывает, не расстилает для них роскошные ковры земли и неба. И вот ещё одно удивление: поэт не боится показаться неправильным, неточным, немелодичным, корявым, неловким. Он не боится остаться «живым и только». Он боится стать гармоничным, лощёным, правильным со всех сторон красавцем-манекеном в поэтической витрине. Он хочет остаться собой.

А между прочим, это и есть самое трудное на земле: остаться собой.
В своей судьбе. В своем высказывании.

Чтобы, вслед за Лютером, можно было сказать: «На том стою и не могу иначе».

Много воздуха и ветра в его поэзии! Простора много!

И от этого – много счастья. Радости.

Рябов – поэт радости. И это так хорошо.

Любая мелочь жизни – радость. Получается так, что в жизни нет мелочей. Верней, они есть, но из этих бликов солнца на зелёной старой бронзе, из винного запаха яблока в октябрьском, медленно плывущем в зиму саду, из беглого весёлого, сумасшедшего поцелуя, из горечи слёз на дорогах поминках, из танцев рыбы, играющей на рассвете в холодной лесной реке, из войска чайников и чашек в старинном буфете и рождается ежеминутно и ежесекундно, вырастает, сплетается сама наша великая жизнь:

...В буфете шкафчик был для серебра,
В который, переложённые бязью,
Приборы запырились. В руки брать
Их разрешалось лишь в великий праздник.
Ведёрко для шампанского, судки,
Икорницы, солонки и фужеры –
Роскошествовать было не с руки
По будним дням в квартире инженера.

Ещё в буфете шкафчик был другой:
В нём пахло валерьянкою и йодом.
Здесь бабушка дрожащею рукой
Хозяйничала при любой погоде.

А низ буфета, словно арсенал,
Забит был до отказа перед битвой
Бутылками заморского стекла
В наклейках самых-самых знаменитых.

Фарфор корниловский, саксонский и стекло
Мальцовское, богемское – всё было
В буфете. Только летнее тепло
Нас, пацанов, к себе всегда манило.
Оно стояло в банках, и на них
Карандашом чернильным, глаз лаская,
Синели надписи: «клубничное», «черни...»,
«Крыжовник», «тернослив», «варила Тая...».

...Когда вас пригласят зайти в буфет
В театре, в цирке или на хоккее,
Сходите, посмотрите: если нет
Варенья в нём, то требуйте смелее!
Пусть это место называют бар,
Шинок, разливочная, комната иная...
Я помню с детства, а ведь я уж стар, –
Буфетов без варенья не бывает.

Много всего испытал, пережил поэт. Огромная жизнь за плечами.
Огромное небо жизни. За спиною небо – крылами: вот поэзия, а вот любовь.

Они и есть жизнь.

Все соединено. Сплавлено. Великое и малое.

Олег Рябов внимательно глядит в колодец русской и мировой истории. Путешествует по миру и видит Мирь – красивый и без прикрас, царский и нищий, нежный и злой, военный и тишайший. Олег в своей поэзии – пейзажист и наблюдатель, маринист и портретист, но более всего – психолог и исповедальник. Да и исповедник: именно у меня, читателя, он безмолвно принимает – всем пространством своего стиха – горячую исповедь; читаю и мыслю: да и у меня так же было; читаю и плачу: Господи, прости за всё, ведь и я так же страдаю и так же радуюсь.

Ангела вам в дорогу,
Выбравшие свой путь.
Все мы бредём понемногу,
Только вот – где свернуть,

Чтобы исполнить волю,
Чтобы познать себя,
Чтобы, наполнившись болью,
Вдруг превратиться в набат.

Знак провидения тонок –
Встань, обернись, посмотри:
Сколько их было, Зимёнок,
Сколько Александрый.

Рано! Без благословенья
Мы продолжаем путь.

Вечность или мгновенье –
Некогда передохнуть.

Истина или гордыня
Гонят нас. Не возратить!
Солнце садится. Стынет.
Ангела вам в пути.

Внимание. Мы подошли к самому важному раздумью. Страдание и радость. Чувства? Да. Жизнь сердца? Да. Теперь ее жестоко желают сбросить со счетов, внушить нам, что искусство может – даже не творить: делать, конструировать, производить – человек, от искусства далекий, а ещё лучше, ещё хлеще – машина. Искусственный интеллект внедряется в то, что ранее рождал живой человек, создавало настоящее человечество, платя за это соиздание слезами, праздником и кровью.

Злоба и любовь. Безумие и просветление. Грех и прощение. Встречи и разлуки. Боль и счастье. Рождение и смерть.

Все это мы, люди, чувствуем. Это жизнь нашего сердца.

Без биения сердца не живёт поэзия.

Или уже – живёт? В ледяных машинных текстах ИИ?

ИИ и в рифму уже, вот диво, умеет.

Но поэзия ли это?

Куда от нас так быстро, обреченно, неостановимо уходят сердце и душа, всю человеческую историю, всё время существования человека на земле резонировавшие на поэзию, на её пламя и искренность, на пронзительную чистую лирику, на героический эпос?

Олег Рябов уникален уж тем, что его поэтическое слово насквозь пропитано, посечено слёзными ливнями души и пронизано жарким солнцем сердца. «Да, старая школа!» – вздохнув, повторят иные.

А кто-то, благоговей, откроет книгу Олега на самом близком, незабвенном.

Весна прошла по всем дворам,
Избавив женщин от мигреней,
И вдруг упала на сарай
Пушистою волной сирени.

Сирень исполнила прибой
И даже свесилась по краю,
Когда заполнила собой
Всю крышу старого сарая.

Он, стоя в глубине двора,
Изображал карниз утёса,
С которого по вечерам
Струилась вниз сирени россыпь,

Меняя тон, оттенки, цвет,
Срываясь вниз в душистой пене...
Приходит лето в торжестве,
С дворами, полными сирени.

Есть ли у поэзии цель? Ставит ли художник перед собою цели, вехи? Видит ли он сам, куда идёт? Или его бесповоротно тащит за собою, в ладье его судьбы, мощный поток Времени?

Тот, кто услышал душу свою и сердце своё – и смог выказать, высказать их, тот обновил и украсил свой родной язык, и тот уже – народ; так одинокий поэт тайно живет жизнью тысяч и тысяч, великих толп, огромного воинства, неохватного крестьянства, молчаливых матерей, жизнью детей, юношей и стариков; так поёт он, один, тысячью глоток; поэт, бывает, не осознаёт своей задачи, но осознают её немногие его современники, а ещё сильнее и яснее – многочисленные потомки, что видят и слышат сотворённое поэтом в ослепительном свете иных времён; и воля и ветер реки, и дали полей, и клубы солнечных облаков, необъятных небесных дворцов, и тот язык, чудесный русский язык, на коем говорим мы, читаем не только новости в интернете, но и Священное Писание, читаем стихи, молча и вслух, язык-народ, огненный залог нашего бессмертия, – это самое большое счастье ЧУВСТВА, щедро подаренного нам Богом и жизнью.

И поэзией.

И – Поэтом.

Ветер денежки считает на осине,
На осине жёлтой, розовой, осенней.
Заросла густой осиною Россия
Вся, и тут уже не жнут, уже не сеют.

Ну а вечером над лесом мальчик-месяц
Выйдет, но и он – увы, совсем не весел:
Страшно, только никуда уже не деться,
Если столько натворил, накуролесил.

Ночью тёмной филин ухает над ухом.
Пусть я с филином – не будет одиноко.
Вот мои – и лес-старик, и ночь-старуха,
И неведомая дальняя дорога.

Заповедные дороги-перепутья,
На ночь глядя, в никуда, через Россию –
Их так много, что пройдёшь и позабудешь,
Или в изумленье рот разинешь.

Я их часто и со страхом, и со смехом
Проходил. Вот как монетки посчитает
На осине друг мой, ветер-неумеха,
Мы пойдём с ним, а куда – пока не знаю.